

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.49>**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОННОТОНИМОВ-СОВЕТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Научная статья

Крюкова И.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9874-1389;¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kryukova-irina[at]ya.ru)

Аннотация

Под общим термином «коннотонимы-советизмы» рассматриваются широко известные имена собственные советского времени (имена политических лидеров и героев, названия организаций и мероприятий, товаров и услуг и т.п.), которые после смены общественного строя в 1991 году изменили коннотации социально-оценочного плана и в настоящее время используются не только для номинации, но и для образной характеристики разнообразных явлений современной жизни. Исследование данных изменений представляется актуальным и перспективным, т.к. они отражают ценностные установки носителей русского языка в конкретный исторический период. С целью выявления семантических трансформаций имен собственных советского времени, общеупотребительных в русском языке в последние тридцать лет, проведено их коммуникативное описание с последовательным применением четырех лингвистических методов (контекстуальный, компонентный и стилистический анализ в сочетании с лингвистическим сопоставлением). Анализ показал последовательное формирование у имен-советизмов коннотаций двух типов: онимических и постонимических. У имен с онимическими коннотациями социальная оценка проявляется при употреблении коннотонимов-советизмов в прямом значении – указании на субъекта или объекта номинации, при этом они не теряют статуса имени собственного. Имена с постонимическими коннотациями теряют в ряде контекстов статус имени собственного и приобретают постоянные переносные оценочные значения. Возможно развитие нескольких переносных значений у одного коннотонима. При этом наблюдаются семантические трансформации трех типов:

- 1) расширение сферы коннотативной семантики, движение от конкретного значения к абстрактному;
- 2) появление нескольких разнородных значений у одного имени, а затем постепенная утрата основного переносного значения, сопровождаемое деидеологизацией коннотонима-советизма;
- 3) развитие амбивалентных социально-оценочных значений, отражающих неоднозначное отношение носителей русского языка к персоналиям и реалиям советского прошлого.

Ключевые слова: коннотоним-советизм, онимическая коннотация, постонимическая коннотация, многозначность.**SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF SOVIET CONNOTONYMS IN MODERN MASS COMMUNICATION**

Research article

Kryukova I.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-9874-1389;¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (kryukova-irina[at]ya.ru)

Abstract

Under the general term "Soviet connotonym" widely known proper names of the Soviet period (names of political leaders and heroes, names of organizations and events, goods and services, etc.) are considered, which after the change of social system in 1991, have changed the connotations of the social and evaluative aspect and are now used not only for nomination, but also for figurative characteristics of various phenomena of modern life. The study of these changes seems relevant and promising, as they reflect the value orientations of the Russian language speakers in a particular historical period. In order to identify the semantic transformations of the proper names of the Soviet time, commonly used in the Russian language during the last thirty years, their communicative description was conducted with the consecutive application of four linguistic methods (contextual, component and stylistic analysis, combined with linguistic comparison). The analysis showed a consistent formation of two types of connotations in Soviet names: onymic and postonymic. Names with onymic connotations have social evaluation when using Soviet nouns in their direct meaning, indicating the subject or object of nomination, while they do not lose the status of the proper name. Names with postonymic connotations lose the status of the proper name in a number of contexts and acquire permanent figurative meanings. Several figurative meanings may develop in a single connotonym. In this case, semantic transformations of three types can be observed:

- 1) expansion of the sphere of connotative semantics, movement from the concrete meaning to the abstract one;
- 2) appearance of several heterogeneous meanings in one name, and then gradual loss of the main figurative meaning, accompanied by deideologization of Soviet connotonym;
- 3) development of ambivalent social and valuable meanings, reflecting ambiguous attitude of Russian speakers to personalities and realities of the Soviet past.

Keywords: Soviet connotonym, onymic connotation, postonymic connotation, polysemy.

Введение

Для объединения имен собственных с общим свойством – наличием помимо денотативного значения индивидуальных и общеязыковых коннотаций – мы используем термин «коннотоним», введенный Е.С. Отиным [10, С. 279]. Однако следует отметить, что коннотации онима всегда формируются в рамках определенного места и времени. В связи с этим уточним существующее определение и под термином «коннотоним» будем далее рассматривать широко известные имена собственные, с частой воспроизводимостью в речи в определенный период развития общества, с дополнительной информативностью и социальной оценочностью, которая отражает отношение языкового коллектива к разнообразным явлениям современной жизни [4, С. 44].

Появление новых коннотативных значений у широко известных имен собственных, как и у любых других слов, всегда связано с общественно-политическими преобразованиями в переломные периоды развития общества. Исследование имен собственных как маркеров эпохи представляется актуальным и перспективным, т.к. они ярко характеризуют трансформации ценностных установок носителей русского языка в рамках определенного хронотопа. Особенно показательны в этом отношении онимы, которые вошли в массовое употребление в советское время, а затем, после смены общественного строя в 1991 году, изменили коннотации социально-оценочного плана (имена политических лидеров и героев, названия организаций и мероприятий, товаров и услуг советского времени и т.п.). Такие имена собственные мы определяем как кононимы-советизмы.

Слова и устойчивые словосочетания русского языка, которые возникли или приобрели новые значения после Октябрьской революции 1917 г., привлекали внимание исследователей и в советский период. Однако сам термин «советизм» входит в широкое научное употребление лишь в начале 1990-х, когда происходит блокирование советского идеологического кода, что закономерно приводит к изменению оценочного значения у многих лексических единиц. Одной из первых на процесс деидеологизации лексики советского периода обратила внимание О.П. Ермакова. Говоря о советизмах как о словах, связанных с коммунистической идеологией и обозначающих чисто советские реалии, автор описывает механизмы изменения смысловой структуры слов-советизмов [2]. В это же время В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина издают «Толковый словарь языка Совдепии», во вступительной статье к которому приводят достаточно широкое определение советизмов. Авторы относят к советизмам не только отдельные слова, но и афоризмы, идиомы, пословицы, отражающие реалии советского времени, и классифицируют их по нескольким основаниям: семантические советизмы – это старые слова, употребляемые в новом значении (например, «в магазине выбросили финские куртки»); лексико-словообразовательные советизмы – новые слова («агитработа», «рабфак», «ликбез»); стилистические советизмы – клишированные словосочетания, («верный ленинец», «вождь мирового пролетариата») [7].

В начале 2000-х, когда был накоплен определенный опыт исследования советизмов, Н.А. Купина дает развернутое определение данным лексическим единицам, как в узком, так и в широком значении. «В первом случае речь идет о политической лексике и фразеологии, имеющей, как правило, тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение: *генеральная линия партии, страна победившего социализма, блок коммунистов и беспартийных* и др. Во втором случае советизм трактуется как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители: *подселение, уплотнить, из-под полы, трудодень* и др.» [6, С. 40]. Таким образом, в сферу исследовательского внимания попадают слова, тематически связанные не только с политикой и идеологией советского времени, но и со многими другими сферами жизнедеятельности.

Далее к тематическому критерию, который долгое время был основным при выделении советизмов, добавляется семантический, ассоциативный, временной, идеологический, стилистический [13]. Между тем имена собственные при исследовании советизмов практически не анализировались. Стоит отметить лишь включение некоторых онимов в «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. Однако в большинстве своем это не единичные имена собственные, имеющие широко известные денотаты, а множественные имена: клички животных (корова *Коммунарка*), специфические советские антропонимы (*Красарма* – от Красная армия) или производные наименования (*хрущовка, хрущоба* – образованные от созвучия фамилии *Хрущев* и слова *трущобы*). При этом авторы замечают, что советская ономастика описана лингвистами не столь детально, как нарицательная лексика [7, С. 17].

В последние десять лет заметно сократилось число работ, посвященных семантике советизмов в постсоветский период. Однако лексические единицы, в том числе и имена собственные, совокупно рассматриваемые как советизмы, продолжают изменять социально-оценочное значение и в наши дни.

Сказанное выше определяет актуальность данного исследования, цель которого – выявление семантической трансформации коннотативных значений онимов-советизмов, общепотребительных в русском языке в последние тридцать лет.

Характеристика материала исследования и методика анализа

Массовая переоценка ценностей советского времени в начале 1990-х обусловила изменение оценочного знака у многих имен и названий советского времени: *Ленин, Сталин, Дзержинский, Октябрьская революция, Советский Союз, Павлик Морозов, Хрущев, Брежнев, «Зарница»* и др. Переосмыслению подобных имен способствовали отмена цензуры, развитие и широкая доступность новых информационных источников и форм коммуникации. Кроме того, неодобрительное отношение к реалиям советского времени на фоне морального старения отечественной техники и насыщения рынка импортом отразилось на массовой социальной оценке советских товаров и услуг. Поменяли оценочный знак на противоположный, к примеру, названия автомобилей «*Жигули*» и «*Запорожец*», товарные знаки фабрик «*Большевичка*», «*Красная Москва*», «*Скорход*» и др. Повсеместное распространение персональных компьютеров и интернета сделало возможным достаточно свободное выражение собственного мнения по поводу персоналий и реалий советского времени. Эти имена собственные мы определяем как конотонимы-советизмы.

Представленному далее анализу предшествовала проведенная нами серия психолингвистических экспериментов, в которых коннотонимы-советизмы, наряду с другими именами собственными постсоветского периода, прошли проверку на понимание и воспроизведение в собственных высказываниях [8] носителями русского языка разных возрастов и разных регионов России. Однако для определения семантических трансформаций коннотонимов-советизмов необходимо их коммуникативное описание, т.е. анализ употребления в контекстуальном окружении в разножанровых и разновременных текстах постсоветского периода.

Материалом данного исследования послужили контексты употребления коннотонимов-советизмов в текстах массовой коммуникации за последние тридцать лет из Национального корпуса русского языка (начиная с 1990-х и до наших дней) [9]. Ограничения по жанру и тематике текстов не накладывались, однако в результате оказалось, что семантические трансформации зафиксированы в текстах массовой коммуникации (публицистике и массовой литературе), поскольку именно такие тексты зачастую построены на стереотипах, важных в системе ценностных представлений широкой аудитории. Кроме того, хронологическое расположение контекстов употребления коннотонимов-советизмов в Национальном корпусе русского языка позволило определить семантические трансформации: движение от прямого значения к переносному, от конкретного к абстрактному, от негативного к позитивному и т.п. Так был сформирован рабочий корпус, включающий более 1000 контекстов употребления онимов-советизмов, у которых отмечается устойчивый социально-оценочный компонент коннотативного значения.

При отборе и анализе данных имен в контекстуальном окружении применялась комплексная методика коммуникативного описания с последовательным применением нескольких лингвистических методов: контекстуальный анализ – при выявлении единичных коннотативных значений в отдельных контекстах с последующим обобщением нескольких однотипных значений; компонентный анализ – при определении семантических признаков, характерных для употребления имени в последние тридцать лет; стилистический анализ – при характеристике использования коннотонимов-советизмов в качестве образного средства; лингвистическое сопоставление – при установлении семантических трансформаций на разных этапах существования имен советского времени.

Такой подход позволил выявить периоды функциональной активности у разных типов коннотонимов-советизмов: имена с живыми и с утраченными коннотациями. У первых функциональная активность в социально-оценочном значении зафиксирована на протяжении всего рассматриваемого периода (*Ленин, Сталин, Павлик Морозов* и др.), у других наблюдается постепенное снижение функциональной активности (*Дзержинский, «Зарница», «Запорожец»* и др.). Однако имена собственные советского времени, коннотации которых утрачиваются, тоже были включены в материал нашего исследования, поскольку они зафиксированы в многочисленных контекстах внутри рассматриваемого периода, характеризуют речь данного временного отрезка, точно и лаконично выражают ценностные ориентиры общества на определенном этапе его развития (морально-этические установки, политические взгляды, потребительские вкусы и т.п.).

Исследование и результаты

Анализ показал формирование у онимов-советизмов коннотаций двух типов: онимических и постонимических.

У имен с **онимическими коннотациями** социальная оценка проявляется при их употреблении в прямом значении – указании на субъекта или объект номинации, но обязательно с эмоционально-оценочными характеристиками именуемого объекта или субъекта, хорошо известными носителям русского языка в рассматриваемый период [4, С. 47].

Наиболее наглядны онимические коннотации у названий товаров и услуг советского времени. Они позволяют идентифицировать принадлежность человека к определенной социальной группе с вытекающими из данной принадлежности характеристиками образа жизни прошедшего периода, определяют место человека по отношению к другим членам общества. Например, выступают средством негативной оценки манеры одеваться и бытовых привычек, характерных для советского времени. *Все юноши нашей группы напялили самые затрапезные одежды: ботинки фирмы «Скороход» и рубашки фабрики «Рассвет»* (В. Панюшкин. Яма, которую мы потеряли. 2012). *У вас, наверное, тоже запросы имеются, вы ведь не хотите туфельки фирмы «Скороход» носить и «Красную Москву» на себя прыскать* (Е. Завершнева. Высотка. 2012). При этом такие названия дают лаконичную и точную имиджевую характеристику человеку не только в социальном, но и в гендерном отношении: – *А разве девушки ездят на «Жигулях»? На «Жигулях» ездит мой сантехник* (О. Робски. День счастья – завтра. 2005). *Вы бы стали встречаться с мужчиной, у которого есть «Запорожец»? – Нет. Ничего хорошего этот человек в жизни не добьется. И максимум, на что он может в жизни рассчитывать, это «Запорожец»* (Комсомольская правда. 03.07.2005).

Наличие подобных статусных сем особенно ярко проявляется при столкновении в одном контексте двух названий с противоположной оценочной семантикой. Например, коннотонимов-глобализмов и коннотонимов-советизмов. По данным проведенного анализа, наиболее частотны пары «Запорожец» – «Мерседес» и *Пьер Карден* – фабрика «Большевичка». Первая пара активно использовалась в анекдотах и других юмористических текстах 1990-х – начала 2000-х при противопоставлении старых и новых русских. *Наверное, у каждого хоть раз в жизни возникло желание обрести волшебную палочку, чтобы, как в сказке, превратить свою крохотную квартирку в роскошные хоромы, а ушасть «Запорожец» – в «Мерседес»* (Труд-7. 26.05.2000). Однако в последние годы, когда коннотации онима «Запорожец» стали утрачиваться в связи с окончательным выходом из эксплуатации данного автомобиля, количество контекстов, в которых сталкиваются эти два названия, значительно сократилось.

Между тем пара коннотонимов *Карден* – «Большевичка», используемая для оценки классового расслоения общества, сохраняет функциональную активность и в наши дни, достаточно умеренную, но стабильную. *Я считаю, что одни люди покупают костюмчик от Кардена, или Диора, а другие фабрики «Большевичка». Каждому свое. Я покупаю «Большевичку», потому что это мне по карману. Он покупает от Кардена, ну, потому что у него карман торпорщится от банкнот* (Радио «Эхо Москвы». 01.12.2002). *Карден – это не просто модный дом. Это наши мечты, выпестованные мамами и бабушками. Кусочек красивой жизни на экране, на которую они с вожделием смотрели*

из темноты кинотеатра, зябко кутаясь в серые кофты фабрики «Большевичка» (Е. и И. Халь. Как обойтись без соперницы? 2018).

Сформировавшиеся коннотативные семы определяют возможности названий товаров советского времени давать оценочную характеристику не только при прямой номинации, как это было отмечено выше, но и при образном переосмыслении этих названий, при сравнении с объектами, далекими от первоначальных. *Вот Су-27 и Су-27 ИБ – образно это «Запорожец» и «Мерседес». Причина – глубокая модернизация* (Комсомольская правда. 2003.04.01). *Просто грешно под достойные царских палат люстры стелить обычный линолеум. Как нельзя к галстуку от Кардена покупать пиджак фабрики «Большевичка»* (Заполярная правда. 2002.03.28).

Использование в качестве образа сравнения имен-советизмов – самый яркий маркер семантических трансформаций. Это один из основных признаков, позволяющих квалифицировать имя собственное как коннотоним.

Наиболее частотны в таком употреблении антропонимы-советизмы (имена политических лидеров и героев советского времени). Они оценивают качества личности, преимущественно негативные. *Максим Прохоров на суде, как Павлик Морозов, не боящийся гнева отца, обещал все честно рассказать про бывшего начальника* (Комсомольская правда. 15.09.2009). Негативная оценка может формироваться и после некоторых конкретных событий, связанных с поведением известного политика в официальных ситуациях. *Я колотила, я стучала по спине модным, толстоющим каблуком, как Хрущев ботинком в ООН* (И. Лисянская. Величина и функция. 1999). *Известный советский писатель, ныне дипломат и посол, вел себя, как поздний Брежнев, которому в Баку листки с докладом перепутали, а он и не заметил* (Комсомольская правда. 02.07.2002). Это согласуется с данными исследования О.В. Врублевской о том, что у антропонимов политического дискурса социальная оценка сводится к характеристике качеств личности или резонансных событий с участием политического лидера [1, С. 134].

Использование коннотонима-советизма в качестве члена сравнения – это первая ступень метафоризации, здесь имя уже используется в качестве образного средства, но все еще сохраняет прямую связь с именуемым объектом или субъектом, т. е. не теряет статус имени собственного.

Под именами собственными с **постонимическими коннотациями** мы рассматриваем массово употребляемые имена, которые теряют в ряде контекстов статус имени собственного и приобретают постоянные переносные оценочные значения, понятные представителям разных слоев общества и разных поколений [4, С. 47].

Одним из первых маркеров появления постонимических коннотаций у известных имен постсоветского периода является плюрализация. Мы придерживаемся точки зрения О. Есперсена, который рассматривает форму *pluralia tantum* у онимов, называющих «лица или предметы, сходные с лицом или предметом, носящим данное имя: *Эдисоны и Маркони могут потрясти мир изобретениями; Скалистые горы в Канаде рекламируются как пятьдесят Швейцарий вместе взятых*» [3, С. 75]. Подобные случаи употребления собственного имени квалифицируются в русской ономастике как апеллиативация (или деонимизация) – «переход онима в апеллиатив» [12, С. 55], а в стилистической теории фигур – как один из случаев антономазии – вид метонимии, например, «использование географического названия, связанного с какими-либо событиями, для обозначения сходных явлений, например: “Чернобылям не будет конца”» [14, С. 93].

Форма множественного числа у коннотонимов-советизмов не только размывает представления о единичных объектах, но и передает эмоционально-оценочное отношение автора речи к различным реалиям, которые уже нельзя назвать единичными. *Выросшие в атмосфере подозрительности, в среде Павликов Морозовых, мы от рождения вакцинированы вирусом всеобщего предательства.* («Ковчег». 2014. № 43).

С помощью плюрализации нескольких антропонимов-советизмов, включенных в градационные ряды с именами политиков других стран и других эпох, автор представляет свои политические взгляды. *Давно лежат на помойке истории всякие там новуходоносоры, чингисханы, ленины, сталины, гитлеры, пол поты* (А. Яковлев. Омут памяти. 2001). Заметим, что контексты с ярко выраженной негативной оценкой коннотонимов-советизмов достаточно регулярно появлялись в массовой коммуникации в конце 1990-х – начале 2000-х, на пике острых политических дискуссий о советском прошлом.

Однако, несмотря на существенные семантические трансформации, иногда с заменой прописной буквы на строчную, при плюрализации коннотонимы-советизмы продолжают обозначать однородные объекты, близкие в денотативном плане исходному. Развитие постонимических коннотаций, сопровождаемое изменением статуса имени собственного, может происходить не только при его употреблении во множественном числе.

Отмеченная выше компаративность как основа развития коннотативных значений имени собственного приводит к метафоризации коннотонимов-советизмов. Метафоризацию имен собственных, вслед за многими современными исследователями, мы рассматриваем достаточно широко и относим к этому процессу любое смысловое уподобление онима в составе стилистических образных средств метафорической группы. В классификации антропонимических метафор И.Э. Ратниковой, проведенной по типу основного компонента метафоры (личного имени, которое подвергается метафорическому переносу), выделяются метафоры с эксплицитным и имплицитным основным компонентом. В первом случае предмет метафорического осмысления назван непосредственно, а во втором – этот предмет не конкретен и не назван [12, С. 155–162].

Имена-метафоры с эксплицитным семантическим компонентом близки к сравнениям, иногда их называют бессоюзными сравнениями, не имеющими формальных компаративных маркеров. По нашим наблюдениям, это наиболее типичная форма выражения сопоставительных отношений: и объект, и субъект сравнения назван, при этом коннотоним-советизм занимает позицию семантического предиката. *Пейнтбол – это «Зарница» для взрослых* (Советский спорт. 27.09.2003). *Дэн Сяопин – это китайский Ленин* (Знание – сила. 2010). *Евросоюз – это СССР в европейском масштабе!* (Комсомольская правда. 08.03.2012). Эти качества позволяют характеризовать объект, малоизвестный или вовсе не известный современному адресату, через объект, хорошо известный в советское время.

Имена-метафоры с имплицитным основным компонентом не всегда занимают в высказывании позицию семантического предиката, при этом они, как правило, сопровождаются различными определителями (прилагательными, местоимениями, порядковыми числительными). В соответствии с типом определителя в рассмотренном материале выделяются следующие типовые метафорические модели:

1) Коннотонимы-советизмы с территориальными характеристиками. Эта модель самая частотная. Встречаем здесь атрибутивные словосочетания с определителями *местный* и *свой*, а также с оттопонимическими прилагательными – названиями стран, в которых происходят те же политические процессы, что и в Советском Союзе. *Многих противников Мао Цзэдуна стали обвинять в просоветских симпатиях. Некоторых называли «китайскими Хрущевыми», что в то время звучало как самая оскорбительная кличка* (О. Трояновский. Через годы и расстояния, 1997). *Хотелось бы, конечно, надеяться, что в Туркмении появится свой Хрущев и у них все же начнется перестройка* (Комсомольская правда. 22.12.2006).

2) Коннотонимы-советизмы с темпоральными характеристиками. В нашем материале это преимущественно конструкции с глаголами будущего времени, в которых имена сопровождаются определителями *будущий* или *новый*. В таких контекстах описываются возможные прогнозы развития ситуации. *В условиях молниеносно зарождающегося политического хаоса где-то в Санкт-Петербурге, на Урале или в Красноярском крае неминуемо появится новый Ленин* (Звезда. 2003. № 6). Контексты, в которых коннотонимы-метафоры сопровождаются определителями *современный* констатируют отношение действия номинируемых субъектов к настоящему времени. Такое контекстуальное окружение особенно характерно для имен в форме множественного числа. *Современные Ленины, Сталины и Марксы не особо разговорчивы* (Комсомольская правда. 13.02.2013.).

3) Коннотонимы-советизмы с характеристиками регулярной повторяемости признака. Эти имена, во многом близкие к предыдущей группе, употребляются с определителями *второй*, *очередной* в констатирующих высказываниях как о прошлых, так и о будущих событиях. *Потребовалась «вторая октябрьская революция» – снятие Хрущева в октябре 1964 года* (Звезда. 1991. № 1). *Представь себе, что такое оставить без работы такую массу народа? Это же будет вторая Октябрьская революция!* (Комсомольская правда, 27.03.2007). В последнем примере, используя коннотоним-советизм, автор предупреждает адресата об опасности таких событий.

Подобные метафоры свидетельствуют о потенциальной способности коннотонимов-советизмов терять ономастический статус, при этом полной апеллятивации не происходит. Потенциальная способность имени собственного к метафоризации рассматривается в ряде работ с позиции теории прецедентности. К основным признакам прецедентного имени исследователи относят широкую известность, регулярную воспроизводимость, неденотативное использование, употребление в форме множественного числа, приспособленность к функции семантического предиката [8]. Как было показано выше, все эти признаки присутствуют при метафоризации коннотонимов-советизмов.

Таким образом, можно говорить о формировании устойчивых понятий, стоящих за именами с постонимическими коннотациями при их многократном употреблении в переносном значении: *Октябрьская революция* – ‘любой государственный переворот’, *«Зарница»* – ‘несерьезная имитация военных действий’, *«Запорожец»* – ‘нечто устаревшее, примитивное’ и т.п.

Анализ показал, что большинство коннотонимов-советизмов **многозначны**, со временем они начинают ассоциироваться с несколькими характеристиками объекта или субъекта советского времени. Сопоставление контекстов с коннотонимами-советизмами в начале и во второй половине рассматриваемого периода позволяет выделить семантические трансформации трех типов.

Во-первых, расширение значения, движение от конкретного к абстрактному. Этот признак характерен для имен с устойчивыми коннотациями. Например, *Павлик Морозов* первоначально – ‘тот, кто предает своего отца’, затем – ‘любой предатель’. Ср. *Никита Михалков правильно ответил, когда его спросили про папашу: «Я же не Павлик Морозов»* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов». 1996); и *Эта мера дегуманизирует законодательство и открывает путь к появлению новых «Павликов Морозовых», навеки осужденных обществом* (Московский комсомолец. 28.06.2016). Однако при таких трансформациях конкретное и абстрактное значения взаимосвязаны, второе вытекает из первого. Изменение оценочного знака не происходит.

Во-вторых, появление нескольких разнородных значений у одного имени, а затем постепенная утрата основного переносного значения. Подобным образом утрачиваются коннотации у многих имен советских политиков. Так, постепенно выходит из употребления некогда активное значение антропонима *Ленин* ‘лидер революционного движения’ (см. примеры выше). Единственное коннотативное значение с незначительной активностью в последние десять лет – ‘тот, кто помещен в мавзолей’. *Мумий а-ля Ленин осталось всего три* (Комсомольская правда. 20.12.2013). А у имени *Брежнев* утрачиваются коннотации ‘вялый, неэнергичный политик, символ эпохи застоя’ (см. примеры выше), это имя выходит за пределы политического дискурса и в настоящее время ассоциативно связано, пожалуй, только с одной отличительной внешней чертой этого советского лидера. *Никаких каблучков и варикоза! Только брови а-ля Брежнев. Чтобы стать красивой, следует обзавестись кустистыми бровями* (Комсомольская правда. 30.11.2014). Подобные значения в эмоционально-оценочном плане близки к нейтральным. На этом основании можно сделать вывод о постепенной деидеологизации многих коннотонимов-советизмов.

В-третьих, изменение оценочного знака на противоположный и развитие устойчивых амбивалентных социально-оценочных значений. Наиболее характерный пример – коннотативный антропоним *Сталин*, у которого в 1990-е гг., после рассекречивания многих архивов, доминирует негативное переносное значение ‘тиран, преступник’ (см. примеры выше). А начиная с 2010-х гг., при сохранении негативного значения, параллельно формируется позитивное значение, ‘сильный политический лидер’: *Нужен ли нам сейчас второй Сталин? – Если это означает: восстановление промышленности, умелая дипломатия, нейтрализация врагов государства – да, нужен* (Комсомольская правда. 10.03.2012). Не случайно проведенная нами ранее серия психолингвистических

экспериментов с коннотативными именами показала противоречия в эмоционально-оценочном восприятии антропонима *Сталин* как представителями разных возрастных групп, так и жителями разных регионов [8].

Между тем отмечены случаи совмещения семантических трансформаций двух типов, когда оба амбивалентных значения постепенно утрачиваются, а затем начинает доминировать новое значение. В качестве примера подобной, более сложной, семантической трансформации многозначного коннотонима-советизма можно привести изменения коннотаций у имени *Дзержинский*. В первые десять лет рассматриваемого периода это имя продолжало сохранять исходное позитивное значение ‘борец с преступностью и беспризорностью’, характерное для советского времени. *Нужно найти такого нового Дзержинского, который бы вывел ребят из подворотен* (Калининградская правда. 15.11.2001). Однако на этом фоне, в силу отмеченных выше причин, стремительно развивается новое, крайне негативное значение ‘тиран, преступник’. *Как говорить о добре и справедливости, не отрекшись от того кровавого марева, оставаясь наследниками дзержинских?* (О. Волков. Град Петра. 1992). Далее контексты подобного рода становятся единичными, имя практически выходит из активного употребления и в том, и другом переносном значении. В последние десять лет фрагментарно встречаем его только в переносном значении ‘тот, кому незаслуженно поставили памятник’, связанном со знаковым событием в 1991 г. – демонтажем самого известного памятника Дзержинскому на Лубянской площади. *Памятников Ильичу и прочих разных дзержинских в России тысячи и тысячи* (Московский комсомолец. 15.08.2017).

Так семантические трансформации многозначных коннотонимов-советизмов отражают трансформации ценностных представлений носителей русского языка о сравнительно недавнем советском прошлом.

Заключение

Обобщая результаты исследования, определим коннотоним-советизм как широко известное имя собственное, обозначающее персоналию или реалию советского времени, которое за последние тридцать лет изменило коннотации социально-оценочного плана и в настоящее время используется не только для номинации, но и для характеристики субъектов или объектов современной российской действительности.

Анализ употребления коннотонимов-советизмов в разножанровых текстах массовой коммуникации постсоветского периода показал поэтапное формирование социально-оценочных значений у имен с онимическими и постонимическими коннотациями. У первых социально-оценочные коннотации выявлены при употреблении имени в прямом значении – указании на объект или субъекта номинации, а у вторых статус имени собственного утрачивается. Обозначая другие объекты со сходными свойствами, они развивают признаки прецедентного имени и приобретают постоянные переносные значения.

Сопоставление переносных значений многозначных коннотонимов в начале и во второй половине рассматриваемого периода показало семантические трансформации трех типов:

- увеличение семантического объема, движение от конкретного значения к абстрактному;
- формирование нескольких разнородных значений, а затем постепенная утрата основного переносного значения, сопровождаемое деидеологизацией коннотонима-советизма;
- развитие амбивалентных социально-оценочных значений, отражающее меняющееся во времени отношение к персоналиям и реалиям советского времени.

Несмотря на разнородность коннотонимов-советизмов по ряду параметров (время появления в речи, характер именуемых объектов, устойчивость и изменчивость коннотаций), их объединяет общее свойство – семантические трансформации коннотативного компонента значения, произошедшие под влиянием общественно-политических и экономических преобразований в последние тридцать лет. Полученные результаты дополняют существующие представления о поэтапном развитии семантики имени собственного.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Врублевская О.В. Прецедентные антропонимы политического дискурса как средство социальной оценки. / О.В. Врублевская // Политическая лингвистика. — 2019. — 5. — с. 132-139. — DOI: 10.26170/pl19-05-13
2. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике. / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995); под ред. Земская О.В. — М.: Языки русской культуры, 1996. — с. 32-66.
3. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен — М.: УРСС, 2002. — 404 с.
4. Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания. / И.В. Крюкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. — 2021. — 2. — с. 42-53. — DOI: 10.53598 / 2410-3489-2021- 2-277-43-53
5. Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: особенности понимания и воспроизведения. / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, Т.В. Хвесько // Сибирский филологический журнал. — 2021. — 3. — с. 177-190. — DOI: 10.17223/18137083/76/14

6. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия. / Н.А. Купина // Политическая лингвистика. — 2009. — 2. — с. 35-40.
7. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. — 207 с.
9. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.2023).
10. Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин — Донецк: Донеччина, 1997. — 470 с.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская — М.: Наука, 1988. — 188 с.
12. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И.Э. Ратникова — Минск: БГУ, 2002. — 214 с.
13. Шкредова М.И. Критерии отбора советизмов в отдельную группу лексики. / М.И. Шкредова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2013. — 1 (21). — DOI: 10.12731/2218-7405-2013-1-6
14. Шорникова И.А. Употребление множественного числа имен собственных как способ создания экспрессивности в газетном тексте. / И.А. Шорникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2009. — 1. — с. 92-95.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vrublevskaya O.V. Precedentny'e antroponimy' politicheskogo diskursa kak sredstvo social'noj ocenki [Precedent Anthroponyms of Political Discourse as a Means of Social Evaluation]. / O.V. Vrublevskaya // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2019. — 5. — p. 132-139. — DOI: 10.26170/pl19-05-13 [in Russian]
2. Ermakova O.P. Semanticheskie processy' v leksike [Semantic Processes in Lexis]. / O.P. Ermakova // Russian Language of the Late Twentieth Century (1985-1995); edited by Zemskaya O.V. — М.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. — p. 32-66. [in Russian]
3. Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of Grammar] / O. Espersen — М.: URSS, 2002. — 404 p. [in Russian]
4. Kryukova I.V. Konnotativny'e imena sobstvenny'e postsovetского периода: metodika kommunikativnogo opisaniya [Post-Soviet Connotative Proper Names: Methodology of Communicative Description]. / I.V. Kryukova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History]. — 2021. — 2. — p. 42-53. — DOI: 10.53598 / 2410-3489-2021- 2-277-43-53 [in Russian]
5. Kryukova I.V. Konnotativny'e imena sobstvenny'e postsovetского периода: osobennosti ponimaniya i vosproizvedeniya [Connotative Proper Names of the PostSoviet period: Features of Understanding and Reproducibility]. / I.V. Kryukova, O.V. Vrublevskaya, T.V. Xves'ko // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. — 2021. — 3. — p. 177-190. — DOI: 10.17223/18137083/76/14 [in Russian]
6. Kupina N.A. Sovetizmy': k opredeleniyu ponyatiya [Sovetisms: to Describe the Definition]. / N.A. Kupina // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 2009. — 2. — p. 35-40. [in Russian]
7. Mokienko V.M. Tolkovyj slovar' yazy'ka Sovdepii [The Explanatory Dictionary of the Sovdepiian Language] / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina — SPb: Folio-Press, 1998. — 700 p. [in Russian]
8. Naximova E.A. Precedentny'e imena v massovoj kommunikacii [Precedent Names in Mass Communication] / E.A. Naximova — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007. — 207 p. [in Russian]
9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian language]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 27.02.2023). [in Russian]
10. Otin E.S. Izbranny'e raboty' [Selected Works] / E.S. Otin — Doneczk: Donechchina, 1997. — 470 p. [in Russian]
11. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology] / N.V. Podol'skaya — М.: Nauka, 1988. — 188 p. [in Russian]
12. Ratnikova I.E'. Imya sobstvennoe: ot kul'turnoj semantiki k yazy'kovoj [Proper Name: From Cultural to Linguistic Semantics] / I.E'. Ratnikova — Minsk: BGU, 2002. — 214 p. [in Russian]
13. Shkredova M.I. Kriterii otbora sovetizmov v otdel'nyju gruppu leksiki [Selection Criteria of Sovietisms in Separate Group of Lexicon]. / M.I. Shkredova // Sovremennye issledovaniya social'ny'x problem (e'lektronnyj nauchnyj zhurnal) [Russian Journal of Education and Psychology]. — 2013. — 1 (21). — DOI: 10.12731/2218-7405-2013-1-6 [in Russian]
14. Shornikova I.A. Upotreblenie mnozhestvennogo chisla imen sobstvenny'x kak sposob sozdaniya e'kspressivnosti v gazetnom tekste [Using Proper Names in Plural Form as One of the Way to Creation of Expression in the Newspapers Text]. / I.A. Shornikova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. — 2009. — 1. — p. 92-95. [in Russian]